

Исаак Розовский

Эвтаназия, или Путь в Кюсснахт

Повесть

18+

Исаак Розовский

Эвтаназия, или Путь в Кюсснахт

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Розовский И.

Эвтаназия, или Путь в Кюсснахт / И. Розовский — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Повесть "Эвтаназия" способна привлечь внимание если не всех, то очень многих читателей одним своим названием. Но дело, конечно, не только и не столько в этом. Сама история, основанная на реальных событиях, не относится к категории легкой, развлекательной литературы, но читается с неослабевающим интересом от первой и до последней страницы. В ней прямо и жестко ставится вопрос о смысле человеческого существования. Рукопись повести в 2018 году вошла в шорт-лист премии имени Марка Алданова для русскоязычных писателей, живущих вне пределов России.

*Как нам удержат умершие души в наших сердцах?
Гюстав Флобер*

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

Октябрь. На кладбище Гиват Шауль в Иерусалиме – дождь. Первый за последние восемь месяцев. Сегодня хоронят Рувима, Руву. Его знали все. И все любили. На кладбище ожидалось столпотворение. Но народу собралось до неприличия мало – полтора десятка человек жмутся под зонтами. И даже вдовы среди них нет.

Я нахожусь в странной ситуации. Об Анне до ее сорока лет мне мало что известно: год и место рождения (город Киев), расстрелянный отец и профессия матери (врач). И это все. Никаких следов ее жизни в России я не нашел ни в документах, ни в памяти людской. И никакого влияния на судьбы страны и мира, насколько можно судить, она не оказала. Любой сочинитель биографии мне бы посочувствовал. Зато ничто не мешает мне, подобно беллетристу, выдумывать события и факты, чтобы заполнить зияющие лакуны ее жизни. И едва ли кто упрекнет меня в искажениях.

Родители нарекли ее Дианой. Когда она родилась, ее счастливой матери стукнуло 39. На дворе стоял 1932 год. Поздний и, видимо, долгожданный ребенок. А ее имя указывает, пожалуй, и на некоторое фрондерство родителей – в те времена дать дочери имя римской богини? Это, знаете ли... В тот памятный год, когда Диане исполнилось пять, вся великая страна была полна Любовью (Орловой) и расстрелами. Тогда она потеряла отца, хотя вряд ли понимала, куда исчез ее любимый, души в ней не чаявший папа.

Людам свойственно умиляться при виде котят, щенков и маленьких детей. Разумеется, они должны быть непосредственными, уморительными и премиленькими симпатягами. Такие счастливчики, что бы с ними жизнь в дальнейшем ни сделала, даже в старости сохраняют отблеск тех восторгов, в которых они купались в детстве. Те же, кому Бог, хозяйева или родители не обеспечили счастливой внешности и надлежащего ухода, любви и достатка, обделены вниманием и восхищением, а на всем облике таких несчастливцев словно стоит несмываемая печать беды.

Я вглядываюсь в две фотографии уже взрослой Дианы – единственные, что мне удалось выудить в недрах интернета. Пытаюсь обнаружить этот отблеск на них, но не нахожу. Нет, пятилетняя Диана (что значит еще и лунолика) не была куколкой. И едва ли к ней часто обращались со словами «зайка» или «солнышко».

А как же отец, души в ней не чаявший? Ну, это всего лишь мое предположение. Хотя поздний ребенок, получивший имя Диана, отцовской любовью не должен был быть обделен. Только это была не восхищенная и горделивая любовь к прелестной дочке, а любовь-жалость к гадкому утенку. Да, помимо жалости, сердце отца наверняка переполняла огромная, до дрожи доходящая нежность. А еще – смутное чувство вины за то, что его отпрыск совсем не похож (и никогда не будет похож) на ту же победительную Любовь Орлову. Значит, к жалости примешивалось еще и немного раздражения.

Но даже этой несправедливой, но сильной отцовской любви Диана лишилась после того, как он был расстрелян. В школу она пошла уже дочкой врага народа. Нам нетрудно (а, может быть, как раз очень трудно) представить, как относились к этому ее школьные учителя, ее соученики и их родители. Оставалась мать, которая, вероятно, испытывала к Диане, как и отец, любовь-жалость. Но матери зачастую относятся к дочерям ревнивее и критичнее, чем отцы. Значит, нежности от нее исходило чуть меньше, а раздражения – чуть больше. А когда они

остались вдвоем, и надо было выживать и тянуть, в общем, не самое удачное дитя, то нежность почти испарилась. Остались лишь своего рода болезненные приступы этого чувства вкупе с усилившимся стократ чувством вины. И вечное в адрес Дианы недовольство и попреки.

Впрочем, почему Диана? Это имя в сочетании с ярлыком «дочь врага народа» вызывало злорадные усмешки учителей и соучеников. Тогда она категорически отказалась ходить в школу. Мать устраивала скандалы, но вынуждена была смириться. Свой второй класс Диана начала в новой школе. Ярлык остался при ней и там. Но зато она уже никогда не называла себя Дианой – только Анной, Аней.

Было еще одно осложнение: она была не только дочерью «врага народа», но и еврейкой. Неизвестно, какой из этих грехов считался тогда на Украине большим. Словом, приходится признать, что детство Анны выдалось не самым счастливым.

А тут подросла война. Я могу придумать любую историю, с ней связанную. Например, такую: мать Анны погибла в Бабьем Яру, а девочка чудом спаслась и нашла убежище у какой-то темной, но с добрым сердцем крестьянки. Та, рискуя жизнью своей семьи, укрывала ее долгие годы оккупации, делилась с ней скудной едой, которую пришлось отбирать у собственных детей и внуков. И хотя крестьянка продолжала ворчать про «жидовочку, которая мало что нас объедает, так еще, не ровен час, и погубит», все-таки ее не сдала. Я мог бы описать страшную гибель крестьянки, фактически заменившей Анне мать, от рук...

Но куда правдоподобнее выглядит не столь драматическая история: Анна с матерью оказались в эвакуации (в Сибири или в Средней Азии). Как жилось этой крошечной семье, за которую некому было заступиться и помочь, рассказывать излишне. Эти двое так и оставались изгоями, которых в лучшем случае терпят. Возможно, это как-то их сблизило. Они мыкались, конечно. Мать научилась перекраивать на нее свои старые латаные-перелатанные платья. Анна вечно ходила голодная и в обносках. И быстро росла, хотя и отставала от своих сверстниц в собственно женском развитии. Мать, чтобы прокормить себя и дочь, бралась за любую работу. Дочь старалась, чем могла, матери помочь, удивляясь, как та еще не надорвалась. Времени у Ани было много, потому что отношения с одноклассниками и соседскими ребятами не сложились. Зато она могла читать книжки – всё подряд, без разбора.

Как ни странно, в атмосфере общей беды, когда чуть ли не ежедневно женщины то в одном, то в другом доме начинали истошно выть над полученными похоронками, Аня не так остро ощущала собственную заброшенность и одиночество, как в родном Киеве. Но вот, наконец, пришла Великая Победа. И отсвет этой победы еще долго не исчезал с лиц людей. Его можно было видеть и на сером, изможденном лице матери, и в глазах самой Анны. Мать и дочь барахтались и захлебывались, но каким-то чудом оставались на плаву.

А потом наступила юность, пришедшаяся на послевоенные годы. Жить стало пусть и не веселее, но чуточку легче. Мама твердо решила, что Анна обязательно должна окончить школу, а потому вынуждена была еще платить за ее учебу с восьмого класса 150 рублей в год. Деньги хоть и небольшие, но для их семьи казавшиеся огромными. В Киев они не вернулись. Зато мать взяли на работу в больницу довольно крупного приуральского города. И снова – новый класс. В нем она тоже была самой высокой из девчонок. И от этого казалась еще более нескладной. Одноклассники посмеивались над ней, над ее угловатой фигурой, в которой трудно было углядеть признаки зарождающейся женственности, и дразнили плоскодонкой.

Тут как раз начали вспыхивать влюбленности и романы. У всех, кроме нее. О, она ждала и надеялась! Для того, кто положил бы на нее глаз, она, не задумываясь, пошла на любые жертвы. Но эта ее готовность была никому не нужна. Мать продолжала трудиться на полторы ставки и охотно брала ночные дежурства. Времени на дочь не оставалось. Но даже она с плохо скрытым раздражением оглядывала Анну: «Посмотри на себя! Не волосы, а патлы! Хоть бы завивку сделала, что ли...»

И вот однажды Аня решила привести голову в порядок. Для модной прически с валиками волосы у нее были слишком короткими. Оставалась завивка. Она пошла в парикмахерскую, там ее пепельные волосы завили в короткие локоны. Вечером мама помогла ей накрутить их на бигуди. Мать как раз чудом раздобыла чулки со стрелкой – последний писк моды. Целых три пары! Сравнительно новая блузка бежевого цвета с оборочками, скрывавшими практически полное отсутствие груди, завершила это великолепие. Вечером Анна долго крутилась перед зеркалом. «Нет, далеко не красавица, но, в общем, вполне ничего... – думала она про себя. – Особенно если в полупрофиль. И так как бы глядеть вдаль...» Она осталась довольна собой. И даже мама ее похвалила: «Ну, вот сейчас другое дело. На человека похожа, а то ходишь как лахудра».

Утром по дороге в школу ее сердце трепетало. «Заметят или не заметят?» – спрашивала она себя. Никто не заметил. То есть, девчонки на чулки обратили внимание, и даже одна попросила дать поносить – «Аня, мне к послезавтра позарез нужно!» Та же девчонка сказала, видимо, в надежде повысить свои шансы на чулки: «А завивка тебе идет...» И все. Больше – ни слова, ни взгляда. В точности так было в пятом классе. Тогда перед 7-м ноября, на год позже, чем остальных, ее все-таки приняли в пионеры, но не на торжественной линейке, а в кабинете завуча. Пионервожатая повязала Ане алый галстук. Было уже холодно, но она шла нараспашку, пальто не застегивая, чтобы все видели, что и она вот тоже пионерка, как все. Тогда никто на нее и ее галстук, а он был красивый, шелковый, даже не взглянул. Вот и сейчас. Анна была просто убита, раздавлена. Пришла домой в слезах. Мамы не было. Она нагрела воду и помыла голову, чтобы уничтожить следы завивки. И с тех пор больше никогда ее не делала. Наутро тайком от матери отдала той девчонке чулки со стрелкой и надела свои прежние – хлопчатобумажные.

Анна уже училась в институте (положим, в инженерно-технологическом) на вечернем отделении, а днем устроилась на ткацкую фабрику рядом с домом. В стране началась кампания против космополитов, а потом «дело врачей». Маму хотели уволить из поликлиники. Обошлось, но после этого у нее начались нелады со здоровьем. Так они и жили вдвоем – стареющая мать и незаметная, блеклая дочь. В гости их никто не звал, да и им к себе звать было некого. Изредка они выбирались в кино. Анна продолжала много читать, хотя времени после работы и учебы оставалось всего ничего.

Ее безнадежно затянувшееся девичество вызывало все более растущее раздражение матери, которая даже не считала нужным его скрывать.

А еще через два года мама умерла. И осталась Анна в свои двадцать три одна.

Прожив сорок лет в Союзе, Анна так и не вышла замуж. Она объясняла это тем, что ей никто и никогда не нравился. Так ли это? Сомневаюсь. Осмелюсь предположить, что ей, как и любой девушке, еще со школы было знакомо чувство влюбленности. Другое дело, что это чувство было безнадежным, и она старалась свой интерес никак не проявлять. А если ей и не удавалось его скрыть, то ее заурядная, скажем так, внешность вкупе с вечной угрюмо-

стью и полным неумением, да и нежеланием кокетничать никаких ответных откликов не вызывали. Разве что насмешки.

Вскоре она уверила себя, что каждый раз, когда кто-то обнаружит с ее стороны интерес к своей персоне, для нее это непременно закончится очередным унижением. С годами ее пугливое и робкое сердце не то чтобы закалилось, а покрылось коростой недоверия и оскорбленного самолюбия. Словом, Анна поставила крест на любых надеждах даже на самое непритязательное и недолговечное женское счастье.

А тут вдруг выяснилось, что жили они в служебной квартире, и теперь, после смерти медицинского работника, Анна должна очистить помещение. И она переехала в заводское общежитие, где ей предстояло прожить, наверное, самые тягостные годы ее жизни.

Ее поселили в комнату к еще трем девушкам. Отношения и тут не сложились. Большинство обитательниц общежития составляли девчонки с семью классами школы из ближайших поселков и деревень. Анна была значительно старше их. Кроме того, она уже кончила институт и работала технологом – как-никак начальство. Так что ей даже и не положено было жить вместе с работницами. Ей обещали собственное жилье или хотя бы отдельную комнату в том же общежитии. «Вопрос пары недель», – сказали в профкоме. Но обещанного три года ждут. Свою комнатку в коммуналке она и получила спустя три года, превратившиеся для нее в нескончаемый кошмар.

Текучка кадров на фабрике была огромная. Каждые три месяца чуть ли не половина обитательниц общежития уезжали в другие места, устраивались на новую работу, «подзалетали» и с риском для жизни делали подпольные аборты, а иногда и замуж выскакивали. Их место занимали другие, но словно на конвейере сделанные девушки. Комната, в которой жила Анна, не была исключением. Появлялись новые девчонки и тут же становились подружками – не разлей вода, поверяли друг другу свои секреты, шептались, хихикали. А неприязнь к Аньке-технологу передавалась, как переходящий вымпел.

Нет, ее соседки не были какими-то особыми злыднями. Обычные девчонки, веселые, полуголодные, тяжело работавшие. Но в большом и чужом городе, избавившись от вечных материнских и бабкиных попреков (ибо отцов у большинства из них не было – погибли в войну или разбрелись по огромной стране в поисках лучшей доли), они почувствовали себя почти счастливыми и абсолютно свободными. И бросились обустраивать свое жалкое гнездышко в меру собственного разума. Единственное окно в своей комнате украсили веселенькой занавесочкой, поставили на подоконник пару горшков с геранью, обклеили стены фотографиями знаменитых артистов, вырезанными из «Работницы» и «Огонька».

На фабрике они дымили дешевыми папиросами и матерились так, что даже бывалые мужики шарахались. После смены забегали в общагу перекусить, переодеться, надушиться копеечными духами, и мчались на танцплощадку или в клуб находившегося рядом военного училища. Там было полно курсантов, что при страшной послевоенной нехватке мужчин было великой удачей. Правда, на танцевальные вечера в училище их пускали далеко не всегда и только хорошеньких. Нередко между ними вспыхивали нешуточные ссоры с криками и драками из-за кавалера на вечер, но через день-другой смертельная обида забывалась. Анна на танцы не ходила. Когда все общежитие пустело, она могла, наконец, спокойно читать. И не только по-русски. У нее со школы обнаружили способности к иностранным языкам, и она уже свободно читала по-польски и по-английски.

Летом после танцев кавалеры провожали своих подруг до парка Победы, что был неподалеку. Девчонки из общежития строгостью нравов не отличались и были готовы на все, чтобы

урвать свою толику бабьего счастья. Обычно они возвращались в общагу усталые, довольные, часто навеселе, – и с жаром делились друг с дружкой впечатлениями и восторгами. Лишь изредка «в охоте на хер», как выражались соседки, случался облом. Тогда они ходили злые-презлые.

Но лето в России, а тем паче на Урале, коротко. Два-три месяца и всё – под кустиком не заляжешь. Вот тогда на первый план выходила комендантша общежития по прозвищу Джомолунгма, полученному ею еще в незапамятные времена за необъятность телес что ввысь, что вширь. Джомолунгма была в общежитие царь и бог. От нее многое зависело – поселить в комнату посветлее и попросторнее, заменить сломанную тумбочку. Да мало ли? Понятно, что не просто так, не за красивые глаза.

Любого человека, впервые столкнувшегося с Джомолунгмой, ее статями, громовым голосом и бесстрастными глазами Будды на широком и плоском лице (она была бурятка) охватывал почти священный ужас. Каждый понимал, что нарушить правила, установленные комендантшей, обойдется себе дороже. Она целый день сидела в маленькой каморке у входа, и непонятно было, как она, да еще и большой начальственный стол, покрытый толстым оргстеклом, там помещались. Дверь каморки всегда была распахнута, и каждого входящего Джомолунгма окидывала суровым и неприязненным взглядом, так что незваный гость невольно ежился и сразу чувствовал себя преступником. Особенно, если он был мужского полу. За пять минут до десяти вечера звучал пронзительный, как в школе, звонок. Это был сигнал посетителям немедленно очистить помещение, дабы социалистическое общежитие не превратилось в притон разврата. Ровно в десять начиналось главное развлечение комендантши – облава на незаконно задержавшихся.

Джомолунгма шествовала по длинному коридору тяжелой поступью командора, прижимая к животу толстую амбарную книгу, к которой на веревочке намертво был привязан красносиний химический карандаш, и орала «На выход!». Ее огромная тень прыгала по стенам и полу, то опережая комендантшу, то запаздывая. Она без стука входила в комнаты сначала на втором, а потом на первом этаже, пока не обходила все вверенные ее заботам жилые единицы. Усевшись на почтительно подставленный стул, она открывала амбарную книгу, страницы которой были разлинованы на весь год вперед, и делала пометку под номером каждой комнаты.

Но и у Джомолунгмы были свои слабости. Ежедневно по многу часов, сидя в своей каморке, она непрерывно вязала то носки, то шарфы для своих многочисленных родичей. Спицы в ее огромных руках мелькали с таким проворством, что это вызывало невольное восхищение. А мотки шерстяных ниток ей поставляли обитательницы общежития, которые воровали их на производстве, хотя в случае поимки полагались суровые кары. Впрочем, учитывая трудности с кадрами, руководство фабрики предпочитало закрывать на это глаза. Так что в комнате комендантши под номером один – отдельном помещении, где располагалась кровать Джомолунгмы, несколько железных шкафов были доверху набиты клубками шерстяных ниток про запас. Личность дарительницы ее не интересовала, она считала не по головам, а по комнатам. И ставила соответствующий значок под номером комнаты, откуда поступали подношения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.